

АЛКА
ДЖОШИ

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БОМБЕЕ

АЗБУКА
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д42

Alka Joshi

SIX DAYS IN BOMBAY

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition is published by arrangement with Harlequin Enterprises ULC.

This is a work of fiction. Names, characters, places and incidents are either the product of the author's imagination or are used fictitiously, and any resemblance to actual persons, living or dead, business establishments, events or locales is entirely coincidental.

Перевод с английского Виктории Кульницкой

Дизайн обложки Виктории Лебедевой

- Д42 Джоши, Алка
Шесть дней в Бомбее : роман / Алка Джоши; [пер. с англ. В. Кульницкой]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2025. — 480 с. — (Имена. Зарубежная проза).

ISBN 978-5-389-28102-8

«Шесть дней в Бомбее» — история о жизни женщин в Индии и Европе в начале XX века, о повседневной смелости, глубокой любви и настоящем искусстве.

Индия, 1930-е годы. Юная Сона работает медсестрой в больнице, надеясь этим честным и непростым трудом когда-нибудь вытащить их с матерью из нищеты. У исполнительной и ответственной Соны есть все шансы построить неплохую карьеру, но ее положение становится шатким, когда она имеет неосторожность подружиться с новой пациенткой, известной художницей Мирой Новак.

Знакомство с Мирой заставляет Сону осознать, насколько несмело она живет, опасаясь рисковать, пробовать новое и как-то выделяться. Незаконнорожденная дочь индианки и англичанина, она не чувствует принадлежности ни к тому ни к другому народу.

Но когда в ее жизни происходит череда трагических событий и Сона сталкивается с несправедливым обвинением, она понимает, что должна рискнуть, отбросить условности, повидать мир и, может, найти отца, который бросил их с матерью и которого она любит и ненавидит одновременно.

Прага, Париж, Милан, Лондон — перед Соной, а вслед за ней и перед читателем во всей красе и пороке раскроется европейская богема того турбулентного исторического периода, когда предчувствие Второй мировой войны уже витало в воздухе.

И куда же приведет это яркое, полное эмоций путешествие?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-28102-8

© 2025 by Alka Joshi

© Кульницкая В., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

*Женщинам всего мира,
которые отказываются молчать.
Мы одной крови.*

БОМБЕЙ

М а й 1937

Глава 1

Мира поморщилась от очередного болезненного спазма. Я положила ей руку на лоб. Ее кожа горела, как *джалеби*, только что вытащенное из кипящего масла. Взяв хлопковое полотенце из стопки у изголовья, я намочила его в стакане воды и прижала к ее голове. Лицо Миры разгладилось. Она вздохнула. И выговорила заплетающимся языком:

— Что с ребенком?

Я хотела было ответить, но передумала.

— Мэм, давайте я позову доктора.

Она вскинулась, видимо, догадавшись, что я хотела сообщить.

— О, нет! — В глазах заблестели слезы. — Надо сказать Паоло.

Я заморгала. В карточке значилось, что ее мужа зовут Филип. Может, у нее в мозгу помутилось от морфина?

— Паоло? — осторожно переспросила я.

— Любовь моя. Научил меня писать портреты. До встречи с ним я создавала только

пейзажи. А после уже не могла писать ничего, кроме людей, — выговорила она, задыхаясь, как будто пыталась поймать ускользающие слова. — А теперь Уитни заставляет его делать копии с картин великих мастеров, жалость какая. Он лишь зря растрчивает свой талант! Люди любят развешивать по стенам подделки в надежде, что гости ни о чем не догадаются. В большинстве случаев так и происходит. — Она ухватила меня за руку. — Я попрошу Филипа принести мои картины. — Губы ее скривились. — Правда, у меня их осталось всего четыре.

По-английски она говорила не так мелодично, как мы, англо-индийцы, но и от привычного произношения *бара сахиб* ее выговор отличался — слишком мягкий, почти без твердых согласных.

Она застонала громче и до боли стиснула мою руку. Действие морфина заканчивалось. Я покосилась на стенные часы. До следующей дозы оставалось еще два часа.

Я высвободила руку, сняла с ее головы уже не холодное полотенце и снова намочила его. А когда вернула на лоб, она немного расслабилась.

— У вас такая милая улыбка.

К шее прилила кровь. Как-то в третьем классе то же самое сказал один из моих преподавателей, а мать услышала. И тут же плюнула на землю, чтобы отогнать злых духов, падких на тщеславие. С тех пор я не любила комплименты, опасаясь, что мать, услышав подобное, рухнет на колени и станет молить Кришну защитить меня.

— Поговорите со мной, пожалуйста, — взмолилась художница и снова схватила меня за руку, умоляя не бросать ее наедине с болью.

Я взглянула на наши сцепленные руки — настоящее единство противоположностей. У нее — бледная кожа, голубые вены, обгрызенные ногти и остатки засохшей краски на кончиках пальцев. Мои же руки были цвета песка, тщательно вымытые, с чуть шелушащейся кожей. Почему-то прикосновение ее теплых, чуть влажных от лихорадки пальцев успокаивало, как бывало, когда меня брала за руку мать. Мира Новак стремилась к близости так же настойчиво, как другие пациенты ее избегали, им хотелось лишь, чтобы мы перестали изучать и прощупывать их тела и отпустили их домой.

Миссис Новак поступила в больницу «Вадиа» около одиннадцати вечера. Испуганная, дрожащая от жара, она обнимала руками живот. Юбка сзади вымокла от крови. Ее муж, широкоплечий бледный мужчина, сказал, она вот уже несколько дней жаловалась на боли.

Супруг не остался с ней, просто оставил в больнице и уехал.

Когда доктор Холбрук, дежурный хирург, оказал пациентке помощь — пришлось наложить несколько швов и вколоть немало морфина, — старшая медсестра препоручила ее мне. Такое часто случалось. Если врачам казалось, что пациент иностранец, к нему приставляли либо меня, либо Ребекку — вторую ночную медсестру англо-индийского происхождения. В дневное время

старшая медсестра вызвала бы другую евразийку или взяла пациентку на себя.

— Возможно, она тут надолго, — прошептала она, со значением взглянув на меня.

Несмотря на то что больница была маленькая, пациентку поместили в отдельную палату. Я отметила про себя, что ее могли бы отвезти в более крупное и популярное у британцев медицинское учреждение, однако, видимо, не захотели светиться. И все равно слухи мгновенно поползли. *Это не просто выкидыш. Она пыталась избавиться от ребенка. Во всем виноват ее муж. Она хотела покончить с собой.* Я не обращала внимания. Женщине требовалась помощь, а наша задача была ее вылечить.

Еще не прочитав карту, я уже поняла, кого к нам привезли. Мира Новак. Художница. Известная даже в Бомбее. Я читала о ней в «Бомбей Хроникл» и видела фото. В статье говорилось, живопись она изучала во Флоренции, в Академии изящных искусств, притом поступила туда всего в пятнадцать и стала самой юной студенткой за все годы. Ее мать, индианка из высшей касты, перевезла дочь из Праги сначала во Флоренцию, а потом в Париж, чтобы развивать ее талант. До двадцати лет Мира ни разу не бывала в Индии. Однако на ее размещенных в статье картинах я не увидела ни Парижа, ни Флоренции, ни иных далеких городов, куда однажды мечтала поехать. На них были лишь деревенские женщины в сари с кожей куда темнее, чем у меня или самой Миры. Молчаливые серьезные женщины

на ее картинах разрисовывали друг другу руки хной, пасли в горах овец, лепили на стены домов коровий навоз. Мне стало интересно, чем же юную женщину из высшего общества так покорили обыкновенные беднячки?

Судая по записям в карте, она была на шесть лет старше меня — двадцати девяти лет от роду. Мне она показалась симпатичной. Чистая гладкая кожа. Брови круто сбегает вниз к выступающим скулам. Пускай она лежала зажмурившись, все равно ясно было, что глаза у нее большие, чуть выпуклые, и это придавало лицу особую привлекательность, притягивая взгляды. Благодаря немного вздернутому на конце носу лицо Миры казалось властным. Должно быть, сказывалась королевская кровь. Она не была красавицей. Моя мать сказала бы, что она необычная, сразу видно — с характером.

Заморгав, Мира открыла глаза и стала с любопытством разглядывать меня, будто мы не разговаривали только что. Зрачки у нее стали крошечные, она растерянно смотрела по сторонам.

— Миссис Новак? — Я подождала, пока она меня узнает. — Мэм, вы в больнице «Вадиа». В Бомбее. Вас привезли несколько часов назад.

Я говорила медленно, по-английски, с легким индийским акцентом.

Она нахмурилась, окинула взглядом свое тело, потом снова подняла глаза на меня.

— Не миссис. Мисс Новак.

— Прошу прощения, мэм.

Я не совсем поняла, но виду не подавала. Как это женщина может быть замужем, но при этом носить девичью фамилию? Однако по работе мне не положено было задавать вопросы, а после того, что произошло в Калькутте, я старалась лишней раз не высказывать своего мнения. И пускай не одну меня щипали за грудь и задницу пациенты-мужчины, я была единственной, кто часто и громко жаловался на это, в итоге настоятельница католического госпиталя решила, что ей такая головная боль не нужна, и спроводила меня с глаз долой. От тебя одни проблемы, сказала она. Неужели нельзя было просто помалкивать, как все остальные?

Но сейчас мы были не в Калькутте, а в Бомбее. И я обещала матери, что тут все будет иначе.

— Как вы себя чувствуете, мэм?

Закрыв глаза, Мира негромко рассмеялась.

— Бывало и получше, сестра... — Она замолчала, ожидая, что я назову свою фамилию.

— Фальстафф, мэм.

— А имя?

По телу заструился теплый мед. Обычно пациенты называли меня просто «сестра».

— Сона, — смущенно ответила я.

— Сона? — Она открыла глаза. — Как?.. — И указала на крошечные золотые сережки у меня в ушах.

— Да, мэм, — улыбнулась я. — Это означает «золото».

Я могла бы рассказать ей, что мать проколола мне уши в три месяца. Некий ученый муж сказал

ей, что это на благо ребенку. Она пошла со мной к ювелиру — хорошо еще, что не к портному. Тот золотой иглой проколол мне мочки, продел в дырочки черную нить и велел прийти снова через две недели. Умей я тогда говорить, я бы посоветовала матери не тратить столько денег. Крошечные золотые кольца, которые вдели мне в уши, обошлись ей в две месячные зарплаты.

Но ничего этого я новой пациентке не рассказывала. Свою жизнь я обсуждала только с Индирой. И даже ей рассказывала по чуть-чуть за раз, все равно как Ганди прял свою нить на чакре, каждый раз добавляя самую малость хлопка.

Мира резко вскрикнула, и я вздрогнула. Ничего же страшного не случится, если я вколю ей еще немного морфина? Так я и сделала, и она закрыла глаза. Я смотрела на художницу, пока она не задышала ровно. А потом вышла из палаты, чтобы заняться другими пациентами.

Ральф Стоддард в хлопковой полосатой пижаме читал газету в свете прикроватной лампы. Он поскользнулся в своем бунгало, упал и сломал ногу. Слуга как раз недавно натер пол, а доктор Стоддард не заметил. Шел в кабинет, на ходу перебирая почту. Доктору исполнилось восемьдесят, он давно был на пенсии. Для людей его возраста такие травмы были нередки.

— Доктор, три часа ночи, — укорила я.

Отогнув уголок газеты, он окинул меня взглядом сквозь толстые стекла очков, в которых смахивал на сову.

— Сестра, я ногу сломал. А не способность различать время. — Его губы, тонкие, почти незаметные, растянулись в улыбку. — К тому же с этой ракетой, — он указал подбородком на храпящего соседа по палате мистера Хассана, — глаз не сомкнешь.

Доктор снова уткнулся в газету. На первой полосе писали о Гинденбургской катастрофе. В Лейкхерсте, Нью-Джерси, все еще находили тела; это было где-то очень далеко, и я даже представить себе не могла, что когда-нибудь могу оказаться в столь экзотическом месте.

— Пишут, в Англии открыли службу экстренной помощи 999. — Доктор постучал по газете. — Будь такая в Индии, я бы туда обратился, когда рухнул на пол, как костяшка домино, а не ждал бы, пока Раму притащится из магазина. — Свернув газету, он отложил ее в сторону и спросил с надеждой: — Хотите сыграть?

Я засомневалась. Персонала не хватало, и у меня было много пациентов. Но последний перерыв я брала три часа назад, неплохо было бы перевести дух. К тому же трудно было устоять перед чувством юмора доктор Стоддарда. Страдая от бессонницы, он вечно уговаривал меня перекинуться в нарды в свободную минуту. Его племянник Тимоти по просьбе доктора принес игру из дома, и теперь она хранилась на тумбочке у кровати.

Я спросила, не разбудим ли мы мистера Хассана. Доктор, вскинув бровь, сухо заметил:

— Его даже Гинденбургская катастрофа не разбудила бы.

Когда он впервые спросил, умею ли я играть, я ответила «да». Меня учила одна девочка в школе в Калькутте. Но звонок на урок никогда не давал нам закончить игру. Она играла быстро, а мне вечно приходилось догонять.

— Прекрасно! — хитро улыбнулся доктор.

Во время первой нашей партии я заметила, что, хоть кости показали пять, доктор передвинул фишку на шесть шагов, но ничего не сказала. Я ведь старалась помочь ему убить время, а не обыграть. Но после третьего мухлежа он вскинул в воздух руки.

— Черт вас подери, женщина, почему вы позволяете мне жульничать?

Я обалдело вытаращилась на него, не зная, что ответить.

Он снял очки и протер стекла краем пижамной куртки.

— Я жульничаю. Не могу удержаться. И кто-то должен меня ловить, уличать в шулерстве.

— Думаю, нам нельзя, доктор, — ошеломленно пролепетала я.

— Кто сказал?

— Ну... Старшая медсестра никогда...

Перегнувшись через доску, он придвинул ближе к переносице очки, отчего глаза за стеклами стали огромными.

— Но ее ведь тут нет, верно? Не прячется же она за дверью?

Я машинально обернулась на дверь. А когда развернулась обратно, он уже передвинул все фишки на свою сторону, словно выиграл. И бросил с очаровательной улыбкой:

— Какое невезение! Еще партию?

Доктор стал расставлять фишки на доске, я же взглянула на наручные часы. Через полчаса нужно будет дать миссис Мехта таблетку.

— Сосредоточьтесь, сестра. Сосредоточьтесь! — сказал доктор.

Сейчас мы уже играли быстрее. Каждый раз, когда я уличала доктора, что он слишком уж вольно двигает фишки, он переставал жульничать. Я внимательно изучала доску и строила стратегию. Ральф Стоддард разбудил во мне азарт.

Минут через десять меня окликнули. Оглянувшись через плечо, я увидела в дверях палаты свою подругу Индиру со стопкой постельного белья в руках, закрывавшего ей пол-лица. Нас с ней часто ставили в одну смену, и после мы вместе шли домой, но сегодня я последний раз видела ее в шесть вечера, когда пришла.

Извинившись, я предупредила доктора:

— Смотрите, не двигайте фишки! У меня глаза на затылке.

— Чтоб мне сдохнуть, не буду, богом клянусь, как добрый христианин.

Доктор был атеистом, и мы оба знали, что он врет.

Я вышла в коридор за Индирой. Подумала, ей нужно помочь перестелить постель. Однако она вошла в кладовую и сказала:

— Закрой дверь!

В растерянности я сделала, как она просила.

Развернувшись, Индира опустила стопку белья, прикрывавшую ей лицо. И я увидела, что на щеке у нее синяк, а верхняя губа разбита.

— О-о, Индира. — Я бросилась к ней, забрала белье и положила стопку на скамью посреди комнаты. — Дай посмотрю. — Я осторожно коснулась щеки, где расплывалось красное пятно, и скомандовала. — Садись.

Она, как ребенок, послушалась и ударилась в слезы.

Вдоль стен в кладовой стояли стеллажи, где хранилось постельное белье и полотенца. В дальнем конце помещался шкаф со средствами оказания первой помощи. У противоположной стены тянулись шкафчики медсестер (доктора переодевались в отдельном помещении). Мне нравилось, как тут пахло: лавандой, хлопком, розовой водой и слегка антисептиком.

Метнувшись к аптечке, я взяла раствор гипохлорита, марлю и антисептическую мазь. Индира на скамейке аккуратно вытирала слезы, дергаясь каждый раз, когда пальцы касались синяка.

— Бальбир? — спросила я, промокнув кровь с ее губ.

Она кивнула.

Я стиснула зубы. Муж уже не первый раз поднимал на нее руку.

— Три дочери и ни одного сына! Да что с тобой такое? — Индира изобразила голос мужа, затем переключилась на свой обычный тон. — Как будто я могу как-то это исправить!

Она плакала уже навзрыд, бросив вытирать слезы.

— Я так старалась, а ты все сейчас испортишь. — Я опустилась перед ней на корточки и взяла ее руки в свои.

Она попыталась улыбнуться, но не позволила ссадина на губе.

— Сона, я знаю, что ты скажешь.

— И что же? — Я отпустила ее и откусила кусок от марли, которую прижимала к ее опухшим глазам.

— Что я не могу просто постараться и родить сына. Я медсестра, Сона! Я знаю! Но он не верит. Ты хочешь, чтобы я ушла от него. Никогда прямо не говорила, но я понимаю. Но если я его брошу, куда мне пойти? Его родители вышвырнут меня и заберут девочек. — Она шмыгнула носом, и я дала ей еще марли — высморкаться. — Представляешь, во что превратится их жизнь? Я не могу этого допустить.

Я вздохнула. Похоже, я ничем не могла ей помочь, кроме как обработать травмы. Многовековая традиция превращала индийских дочерей, жен и матерей в расходный материал. Приходилось либо слушаться мужа и свекров, либо платить неподъемную цену. Моя мама не была знакома со своими свекрами-англичанами, но ей от этого было не легче. Она тоже страдала. Ведь когда она сошлась с отцом, родня просто вырвала ее из семьи, как торчащую из сари нитку.

У меня в шкафчике хранилась коробка компактной пудры. Мама пудрилась смесью толче-

ной коры кедра, семян кунжута и корня костуса, чтобы лицо казалось светлее. Моей светлой кожей она всегда гордилась — в Индии считалось, что это позволяет привлечь достойных мужчин, — и все равно заставляла меня пудриться. Еще она любила «Афганский снег» — крем, одобренный королем Афганистана. Я им не мазалась, но, чтобы не обижать мать, терпеливо принимала подаренные баночки и относила на работу. Так что сейчас я достала пудру и замазала синяк на щеке Индиры и ссадину на ее губе.

— Бальбир не всегда таким был. — Она посмотрела на меня. — Пока не родилась вторая дочка, он покупал мне *ладду* у уличного торговца и сари, когда бывал на базаре. Тогда я любила его. А потом он начал ходить к Махалакшми.

В ужасе от того, сколько денег ему придется выложить дочерям на приданое, муж Индиры начал ставить на скачках. Но пока только проигрывал.

Я накрыла ее руки своими. Хорошо еще, что у нее остались светлые воспоминания о муже. Правда, они бледнели в сравнении с тем, во что он превратился сейчас.

В дверь постучали, мы с Индирой замерли, потом вскочили на ноги. Я вопросительно посмотрела на нее, она кивнула и одернула форменный фартук. Отперев замок, я открыла дверь.

На пороге стояла Ребекка, вторая медсестра-полуангличанка в «Вадиа». Увидев нас, она нахмурилась.

— Вам что, заняться нечем?

Она глянула на меня, потом на прячущуюся за моей спиной Индиру. И я заслонила ее собой, чтобы Ребекка ничего не разглядела.

— Как дела, Ребекка? — Я изобразила самую дружелюбную улыбку. — Родители в порядке?

Поступив на работу в «Вадиа», я думала, что мы с Ребеккой подружмся, у нас ведь было одно происхождение. Но в итоге мы сблизилась с Индирой. Может, потому что старшая медсестра препоручала пациентов, требующих самого деликатного обращения, мне, хотя Ребекка работала в больнице дольше. Скорее всего, она поступала так из-за ходивших про Ребекку слухов. Поговаривали, у нее было что-то с одним женатым врачом, которого впоследствии перевели в другой город. Обо мне тоже много болтали — *отец Соны сбежал из тюрьмы, и его вернули в Англию; перед отъездом он обокрал свое подразделение; он накачал ее мать наркотиками, чтобы уложить в постель*, — так что я знала, как сплетни до крови обдирают кожу. Защищать отца я не горела желанием, но не хотелось, чтобы Ребекка думала, будто это я распространяю о ней слухи. Иногда я приносила ей кусок маминого пирога с карамелью или розовый пион из нашего сада, надеясь завоевать ее дружбу. Но у меня так ничего и не вышло.

Ребекка растянула губы в странной улыбке, больше напоминающей оскал.

— У нас все отлично, спасибо. Моя сестра снова беременна. А как твоя мама, Сона? Как она поживает? Надеюсь, ей не слишком одиноко?

Я вздрогнула. И отец, и мать Ребекки были живы. Ее мать-англичанка в школе влюбилась в учителя математики — индуса и вышла за него замуж. Кроме Ребекки, они родили еще двоих детей — настоящая бомбейская семья. А мой отец бросил мать с двумя малышами. Начав работать в «Вадиа», я поделилась этим с Ребеккой. Мне тогда казалось, я ей нравлюсь, она даже подарила мне книгу «Джейн Эйр». Теперь я уже жалела о своей откровенности, ведь ей определенно нравилось напоминать мне, что мою мать бросили.

Вспыхнув, я ответила:

— Она много шьет.

Ребекка подошла так близко, что я разглядела у нее на щеках следы от акне.

— Частная портниха. — Она с деланным сочувствием склонила голову. — Вот бедняжка.

Ребекка положила руку мне на плечо. Я, содрогнувшись, отшатнулась, и ее рука упала.

— Мне нужно забежать в аптеку. — Обогнув ее, я выскочила из кладовой.

И услышала, как Ребекка у меня за спиной с фальшивым участием спросила:

— Индира, ты что, снова упала?

Больничная аптека представляла собой маленькую комнату без окон, уставленную стеллажами с упаковками таблеток, пузырьками и пакетами с сухими травами. Заведовал ей низкорослый угрюмый мужчина по имени Хорас. Говорили, что он составлял лекарства по аюр-

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Алка Джоши

ШЕСТЬ ДНЕЙ В БОМБЕЕ

Ответственный редактор *Д. Захарченко*

Художественный редактор *В. Лебедева*

Технический редактор *Л. Сеницына*

Корректоры *М. Топеха, Т. Филиппова*

Верстка *В. Брызгалова*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:

Shutterstock.com / © SasinTipchai,

Shutterstock.com / © Katika

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 23.09.2025.

Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж 4000 экз. T-IZP-37119-01-R. Заказ №

Изготовитель: Өндіруші:

ООО «Издательство АЗБУКА»

115093, Москва, вн. тер. г.

муниципальный округ Даниловский,

пер. Партийный, д. 1, к. 25

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ

115093, Мәскеу, қ. іш. аум.

Даниловский муниципалдық округі,

Партийный т.ш., 1-үй, к. 25

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»

в г. Санкт-Петербурге

191024, Санкт-Петербург,

Херсонская ул., д. 12-14, лит. А

Тел.: (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербург қаласындағы

«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы

191024, Санкт-Петербург,

Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А

Тел.: (812) 327-04-55

Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции

(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

